

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Сегодня общественность Приморья отмечает 60-летие со дня рождения народного артиста РСФСР Андрея Александровича Присяжнюка.

ОН РАНО узнал вкус своего хлеба — уже в семь лет носился с кипами газет по дощатым тротуарам старого Владивостока. 25 октября 1922 года годок был освобожден от интервентов и белогвардейцев. Окончательно установилась Советская власть — и для Андрея Присяжнюка, босоногого мальчишки с Первой Речки, открылась возможность учиться.

Окончив школу им. Марии Сибирцевой, комсомолец Присяжнюк после рабочего дня посещал вечерние драматические классы при музыкальном училище. Он еще мальчишкой стал пламенным поклонником театра и, чтобы чаще там бывать, взялся расклеивать афиши театра «Золотой Рог».

В начале 1930 года по инициативе краевой комсомольской

организации во Владивостоке был создан Театр рабочей молодежи — ТРАМ. Один из его энтузиастов с самого первого дня — Андрей Присяжнюк. Участники этого молодежного театра в шутку говорили: «Артистом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». — таков был девиз ТРАМа. Быть гражданином в искусстве, политически зорким и острым, всегда находиться в главном фарватере социального бытия — верность этим заповедям и сделала его артистом, мастером. Все в те годы закладывалось навсегда. Навсегда осталась верность нелегкому актерскому труду. Несколько лет работы в армейском театре стали началом на всю жизнь сохранившейся дружбы с армией, флотом, пограничниками. И приход в 1938 году в краевой драматический театр им. М. Горького тоже был — на всю жизнь.

Природа одарила А. А. Присяжнюка шедрым комедийным талантом, и все лучшие мужские комедийные роли, уви-

денные приморцами на сцене театра им. М. Горького, сыграл он. Их было сотни — ролей, рождавших в зале смех, радость, веселье — заразительное, озорное, жизнеутверждающее. Их было так много, что артиста впору было бы сравнить с «заводом, вырабатывающим радость», если возможно хотя бы вообразить существование такого доброго завода, который умеет радоваться, плакать и торжествовать вместе с нами.

И еще — умеет быть недобрым собой.

Да, артист любит веселить и удивлять, и пленять зрителей. Но чем полнее и глубже становилось знание жизни и понимание человека, тем сложнее его взаимоотношения с персонажами: ведь для него они — при бесконечном разнообразии эпох, социальной принадлежности, возраста, национальности — живые люди, которых он любит, жалеет, ненавидит... И силой своего искусства заставляет и нас, зрителей, любить или ненавидеть.

Открывшееся в таланте актера причудливое переплетение комического и драматического необыкновенно обогатило палитру художника, усилило социальное звучание его творчества.

Сапожник Перфишка в горьковском спектакле «Трое» — вечно пьяненький, с гармоникой под мышкой — трактирный шут. Верный своему поиску доброго, светлого в людях, артист разглядел в Перфишке человека, который за всю свою жизнь не ведал ничего, кроме тяжелого труда, унижений, нищеты, а

вот имеет гордость не подличать и еще имеет мечту... Нет, не о сытом, бездельном существовании — о труде! В сцене мечты Перфишка вдохновен и просветлен, — он мечтает о труде свободном и красивом.

И то, что мечта его безнадежна, что эта наивно-чистая душа растоптана и брошена на дно жизни, воспринимается как обвинение бесчеловечному обществу чистогана.

Одиннадцать лет отделяют Перфишку от Лузгина в спектакле «Фальшивая монета». Отказавшись от общепринятого взгляда на этот образ, артист и к нему идет с убеждением, что человек по природе своей добр. При всей чуждости друг другу Лузгина и Перфишки, их роднит одинаковая безнадежность мечты, общий враг — враждебное человеку устройство общества, и главное — раскрытое артистом под заскорузлой оболочкой души — светлое, чистое человеческое начало.

А рядом с ними А. А. Присяжнюк создает образ величайшей душевной раскованности, революционной энергии, оптимизма — это «1-й боец» из «Первой Конной». Сопоставьте: предельная зажатость, угнетенность — и невиданный взлет свободного человеческого духа через одну и ту же актерскую индивидуальность... Это и удивительное мастерство, и глубокое постижение художником смысла и целей борьбы за коммунистическое переустройство общества.

Из этого же источника — успех работы над образами тех, кто против нас: кулака Котихина («Хлеб»), генерала Ой («Сергей Лазо»), кулацкого последыша Демкина («Суровое поле»), чинуш, лихоимцев, бюрократов, подхалимов, махинаторов и прочих.

«Очень мы вас любим, — сказали артисту на одной из

встреч со зрителями, — но когда играет подлёпов, так за вас обидно! Пожалуйста, не играйте».

В этой наивной просьбе — высокая похвала. Если при виде таких «героев» становится обидно за хорошего человека, значит артист достиг цели.

Должно быть есть некая закономерность в том, что Присяжнюк в последние годы выступает, притом чаще всего, весьма удачно, еще и как режиссер. Тот, трамбовский девиз («Артистом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан») навсегда определил мировосприятие Андрея Александровича и активное, бойцовское его отношение к жизни.

Коммунисты театра не раз избирали его своим вожаком. Неоднократно был он и депутатом Владивостокского горсовета. Того самого горсовета, в самом первом составе которого состоял в числе других рабочих и солдатских депутатов Александр Присяжнюк, отец артиста. Участник первой русской революции, после установления Советской власти в Приморье — красивый директор, он приехал сюда в начале века как переселенец с Украины. Там семья Присяжнюка пользовалась большим почетом в народе — двоюродная сестра Александра Мотря Присяжнюк была революционеркой, приговоренной царским судом к смертной казни через повешение. Повесть о ней «Девушка в терновом венке», изданная в Киеве к пятидесятилетию Советской власти, открывается посвящением: «Славному революционному роду Присяжнюков».

И есть своя прекрасная логика в том, что из этой знатной революционной рабочей династии вышел Андрей Александрович Присяжнюк — коммунист и художник. Народный по значению и по сути своего творчества.

Ф. ЧЕРНОВА.

